



Munich Personal RePEc Archive

# **Structural change, institutional change and their measurement: The case of banking**

Vernikov, Andrei

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences

1 July 2017

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/79978/>

MPRA Paper No. 79978, posted 02 Jul 2017 08:09 UTC

# **Structural change, institutional change and their measurement: The case of banking**

**Andrei Vernikov**

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow

Email: [vernikov@inecon.ru](mailto:vernikov@inecon.ru)

**July 2017**

**(in Russian)**

The paper attempts measuring institutional change, taking the case of the Russian banking industry in 1991-2016. I put forward a set of metrics featuring the actors and the relevance of banking for the economy. At the first stage, the communist-era credit system falls apart, and so do coordination mechanisms between monetary and real sectors of the economy. After the 1998 crisis, evolution goes in the direction of greater government involvement in banks and centralized allocation of financial resources. Structural change has not yet led to a fully different *modus operandi* of the banking industry. The contribution of this paper is that it tackles the interplay between structural and institutional change in a particular economic sector.

**Key words:** institutional change, structural change, evolutionary analysis, mesoeconomics, banks, Russia, state

**JEL codes:** B25, G21, G28, H82, P20, P34, P52

© Andrei Vernikov, 2017

# Структурные или институциональные сдвиги? Попытка измерения на примере банковского сектора<sup>1</sup>

А.В. Верников

Институт экономики РАН, email: [vernikov@inecon.ru](mailto:vernikov@inecon.ru)

**Аннотация.** Работа посвящена измерению институциональной динамики в банковской сфере в новейший период экономической истории России (1991-2016 гг.). Предложенный автором набор показателей характеризует состав участников банковской деятельности и её место в экономике страны. В начале периода наблюдений разрушалась доставшаяся от предыдущей эпохи кредитная система и механизмы координации между «реальным» и «денежным» секторами экономики. После кризиса 1998 г. вектор эволюции изменился в сторону государственного участия в кредитных учреждениях и централизованного размещения кредитных ресурсов. Структурные сдвиги пока не привели к кардинальному изменению типа функционирования банковского сектора. Новизна данного текста в том, что на примере конкретной экономической сферы подобраны статистические показатели для квантификации институциональной динамики.

**Ключевые слова:** институциональные изменения, структурные изменения, эволюционный анализ, мезоэкономика, банки, Россия, государство

**Классификация JEL:** B25, G21, G28, H82, P20, P34, P52

## 1. Введение

В начале 90-х годов прошлого века в кредитной сфере России, как и во всех остальных областях, происходили структурные сдвиги: распад государственных специализированных банков и системы централизованного кредитования, быстрый рост частного сектора, появление иностранных банковских учреждений. Вектор законодательства и неформальных правил поведения был направлен в сторону либеральной рыночной экономики, движимой частным интересом. Но уже на рубеже нового тысячелетия направление институциональной динамики России в банковской сфере отклонилось от траектории, характерной для остальных переходных экономик Европы: вместо расчленения оставшихся госбанков и передачи их иностранцам Россия усилила роль государства в банковском секторе. Параллельно происходил «закат» частного финансового посредничества и уход некоторых иностранных банков с российского рынка.

Ортодоксальная экономическая теория вынуждена объяснять повороты в эко-

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено в рамках государственного задания по теме «Феномен мезоуровня в экономическом анализе: новые теории и их практическое применение».

номической истории России лишь сочетанием случайных событий (войны, финансовые кризисы) и субъективных факторов (личность правителя, материальные интересы его ближайшего окружения). Авторская же интерпретация истории банковского дела в России сводится к волнообразной динамике соотношения между институтами различного типа – институтами централизованной редистрибутивной экономики и институтами рыночной экономики и самоорганизации. Относительно короткий период наблюдений (1991-2016 гг.) ограничивает возможность выявить долгосрочные циклы и сравнить их характеристики, однако после отработки подхода и подбора нужных метрик на следующем этапе можно будет привлечь дополнительный исторический материал.

Основной элемент новизны данного текста в том, что предлагается отличать показатели институциональных изменений от показателей, характеризующих структуру банковского сектора, и изучать их динамику в сравнении. В литературе же анализ институциональной структуры и динамики часто строится на структурных по своей сущности показателях – числе учреждений того или иного типа и их удельного веса. Но «институт» – это не только и не столько учреждение, а «созданные человеком ограничительные рамки» (Норт, 1997). Это правила поведения и закономерности, принимаемые субъектами микроуровня и заставляющие их действовать определённым образом. Институциональная динамика отражает изменение этих правил во времени, а их изучение можно отнести к мезоэкономике, т.е. промежуточному уровню анализа между микро- и макроуровнем (Dopfer, 2012).

Структура текста такова: глава 2 вводит работу в исследовательский контекст; глава 3 посвящена показателям институциональной динамики и другим вопросам методологии; в главе 4 представлены эмпирические результаты и их интерпретация.

## 2. Исследовательский контекст

Место данной проблематики видится на стыке эволюционной микроэкономики и анализа институциональной эволюции. Объектом внимания является популяция банковских фирм, а предметом изучения – эволюция её институциональной структуры, понимаемой в более широком смысле слова, нежели совокупность банковских и иных финансовых учреждений<sup>2</sup>. Изучением развития популяции фирм занимается эволюцион-

---

<sup>2</sup> Как многие российские исследователи [Крылова, Крылов, 2014; Уразова, 21056], так и Банк России [Отчёт о развитии банковского сектора ..., 2016, с.13-18] понимают под институциональной структурой банковского сектора его количественные параметры (число банков и их структурных подразделений), размещение банковских учреждений по регионам страны, уровень концентрации в отдельных сегментах

ная микроэкономика [Макаров, 1997; Маевский, 1997],<sup>3</sup> однако нас интересует эволюция именно в институциональном контексте, в том числе с точки зрения динамического соотношения между институтами разного типа. Институты здесь – это «созданные человеком ограничительные рамки» [Норт, 1997], правила поведения, закономерности, заставляющие агентов микроуровня действовать определённым образом. Возможно, правила и закономерности формируются на мезоуровне, а не на макро- или микроуровне [Dopfer et al., 2004], поэтому подход с позиций мезоэкономики поможет объяснить явления, не сводящиеся к максимизации полезности, рациональному поведению, равновесию и т.д.

Отдельные аспекты банковской деятельности затрагиваются в работах классика эволюционной экономики Й.Шумпетера, отводившего кредиту важную роль в перераспределении средств производства в пользу новых «комбинаций» факторов, причём финансирование этих новых комбинаций происходит через создание банками новой покупательной силы из ничего (кредитная эмиссия. – *А.В.*). По мнению Шумпетера, кредит представляет собой «рычаг изъятия благ», *«своего рода приказ народному хозяйству приноровиться к целям предпринимателя, поручение (ордер) на получение нужных ему благ...»* [Шумпетер, 1982, с.215, 217].

Эволюционная макроэкономика также считает роль кредита крайне важной в развитии и смене макроэкономических подсистем (макрогенераций): банки предоставляют кредиты новой макрогенерации, давая ей шансы встать на ноги и развиваться. В идеале это должно происходить перед самым началом спада в экономике, когда рентабельность старых макрогенераций снижается, однако банковская система инерционна и подчиняется своим правилам игры и поэтому редко способна угадать наступление идеального момента для кредитования новаторов [Маевский, 1997, с.57-60)].

Судя по имеющимся научным работам, у России есть богатая история банковского дела, сформировавшая особые традиции и подарившая разнообразие форм финансовых учреждений [Ананьич, 2006; Бовыкин, Петров, 1994; Бугров, 2003; Гиндин, 1948; Саломатина, 2004]. В системе организованного кредита в досоветский период можно выделить три элемента или уровня – государственные, общественные и частные кредитные учреждения. По мнению С.А.Андрюшина, они различаются по степени «па-

---

банковского рынка.

<sup>3</sup> В рамках эволюционной экономики выделяются три основных направления анализа – институциональное, исследующее институты; микроэкономическое, изучающее экономических и социально-экономических агентов микроуровня; и макроэкономическое, посвящённое макроэкономическим агентам [Маевский, 1997, с.10].

терналистско-благотворительной направленности» своей деятельности.<sup>4</sup> В возникновении этого явления сыграли роль государственно-общественные основы православной цивилизации, т.е. система этических понятий и ценностей, сформировавших институциональные традиции и рамки допустимого в области кредитных отношений. С XVIII в. в развитии кредитного дела, в зависимости от личности правителя, экономического положения страны и иных факторов, преобладало либо либеральное реформаторство, либо укрепление общественных и государственных начал [Андрюшин, 1998]. Соответственно, изменялась пропорция между элементами кредитной системы (государственным, общественным и частным) и характер деятельности относящихся к ним учреждений.

С.А.Уразова выдвигает гипотезу о том, что динамика реформ и контрреформ в банковской системе России носила волнообразный характер и совпадала с волнами долгосрочных экономических циклов Н.Д.Кондратьева [Уразова, 2015а; 2015б]. В годы повышательной волны долгосрочного цикла происходят банковские реформы и другие существенные изменения, активизирующие частную инициативу в банковской сфере и ведущие к созданию новых банков и иных кредитных учреждений различного типа. В период же понижательной волны долгосрочного цикла возрастает влияние государственных органов в банковской сфере, сокращается численность негосударственных банков, возрастает роль государственных банков в экономике. Аргументами в пользу периодизации волн служат сведения об изменении институциональной структуры банковской системы в понимании Банка России (см. **сноску 2**), то есть с акцентом на возникновение и ликвидацию кредитных учреждений того или иного типа, динамику их численности и масштаб деятельности. По каждому временному отрезку приводится краткая общая характеристика государственной политики в отношении банков и банковской деятельности.

В течение нашего периода наблюдений (1991-2015), по мнению Уразовой, произошла смена повышательной волны (с 1984-1991 гг. до 2005-2008 гг.) на понижательную волну, начавшуюся с 2005-2008 гг. Это привело к очередной смене типа функционирования банковской системы: если «повышательная волна» длинного цикла символизировала банковские реформы рыночной направленности, то «понижательная волна» вернула к жизни распределительные отношения [Уразова, 2015б].

---

<sup>4</sup> Судя по структуре основных операций, в деятельности акционерных коммерческих банков прослеживается лишь частный материальный интерес [Саломатина, 2004], поскольку эти банки создавались частным капиталом и ориентировались на работу с частными промышленными и торговыми предприятиями.

На рубеже нового тысячелетия направление институциональной динамики России в банковской сфере отклонилось от траектории, характерной для остальных переходных экономик Европы. Вместо расчленения и приватизации оставшихся госбанков и передачи их иностранцам, Россия усилила роль государства в банковском секторе, причём параллельно происходил «закат» частного финансового посредничества и уход части иностранных банков с российского рынка.

Если смена вектора «дана нам в ощущениях», то её причины не очевидны. Необходимость купировать последствия банковско-финансового кризиса 1998 г., а затем и 2008 г., даже в странах со зрелой рыночной экономикой потребовала усиления государственного участия в банковском секторе, но оно было ограниченным по времени и масштабам и в основном уже завершилось. Ни микро-, ни макроэкономическая теория не предложили вразумительного объяснения, почему Россия пошла иным путём. Набравшая в последние годы популярности теория «разновидностей капитализма» (varieties of capitalism) сводит системные различия к особенностям местных моделей капитализма при безальтернативности капиталистической системы как таковой. Тенденция к усилению государства представляется случайной, необязательной (не отражающей какую-либо объективную закономерность) и обратимой, а причины сводятся к чисто конъюнктурным и даже субъективным факторам, включая личность лидера, состав его ближайшего окружения и их экономические интересы.<sup>5</sup> Немного дальше продвинулись и институционалисты, сводящие всё к «несовершенству», «отсталости» или «неэффективности» любых российских институтов по сравнению с «эталонными» (читай: возникшими в Великобритании либо в США).

В качестве примера можно привести зарубежное исследование эволюции, которую прошли в России институты ипотечного жилищного кредитования. Отметив роль различных факторов в формировании политики государства в этой сфере (наследство от политики предыдущих периодов, новые идеи, институциональное окружение и интересы основных агентов), автор приходит к выводу, что модель «направляемого государством ипотечного кредитования» ('state-led model of housing finance'), сложившаяся в предшествующем десятилетии, уступает по эффективности возможным альтернативным моделям, однако их внедрение блокируется интересами чиновников высшего уровня, стремящихся сохранить центральную роль государства в развитии экономики

---

<sup>5</sup> Тенденция набрала силу ещё до навязанного Западом России противостояния (санкционное давление, попытки подрыва стабильности и «смены режима» в стране, наращивание нацеленного против России военного потенциала), поэтому внешние факторы вряд ли стали здесь первопричиной.

[Khmelnitskaya, 2014]. Круг замкнулся: ведущая роль государства детерминирована предпочтениями властной элиты, которая хочет сохранения этой роли. Осталось понять, *почему* периодически из века в век власть в России вдруг попадает к элите, желающей восстановления традиционных институциональных моделей после их сознательного разрушения и деградации.

Ключ к пониманию более объективных, глубинных причин разворота институциональной динамики в банковской сфере и вообще в экономике в начале нового тысячелетия могла бы дать гетеродоксальная экономика – например, теория институциональных матриц, или ТИМ [Кирдина, 2001, 2004, 2014]. ТИМ предполагает волнообразную динамику в соотношении между доминантными и дополняющими институтами, характерными для каждого из двух основных типов экономики – X и Y (первый из них исторически сложился в большинстве стран мира, включая Россию, второй – в ограниченном круге стран «Запада»). Если доминирует институциональная матрица X, то «парные» институты альтернативной матрицы Y выполняют вспомогательную (комплементарную) функцию, и наоборот. Так, институты частной и общественной/государственной собственности являются парными<sup>6</sup>, поэтому практически в любом обществе одновременно представлена и та, и другая форма собственности, но в разном соотношении. У каждой страны оно своё: где-то преобладают государственные банки, а где-то их вообще нет. В X-системе ведущую роль играют отношения централизованного перераспределения (редистрибуции) и условной верховной собственности, и такое положение инвариантно, то есть не может быть изменено по воле и желанию людей. В этом ТИМ вторит теории зависимости настоящего от траектории предшествующего развития («эффект колеи» - path dependence).

При заданности того, какой из двух парных институтов является доминантным, а какой дополняющим, пропорция между ними непрерывно изменяется. Когда дисбаланс становится чрезмерным, то обычно начинается корректирующее движение в обратном направлении, но этого может и не произойти по разным причинам (внешнее принуждение либо далеко зашедшее саморазрушение доминантных институтов), и система переходит в режим патологический режим функционирования.

Что касается банков и взаимосвязи между кредитной сферой и «реальной» экономикой, то мейнстримные экономические теории считают, что активная промышлен-

---

<sup>6</sup> Строго говоря, в нерыночных экономиках встречается «верховная условная собственность», особенно в сфере крупных предприятий и банков, когда номинальный частный владелец ограничен в своём праве распоряжения этим имуществом, и оно может быть передано другому лицу.



ная политика государства неправильно размещает инвестиционные ресурсы и этим наносит вред, а значит, должна уступить место размещению ресурсов исключительно по критериям текущей финансовой эффективности. Опять-таки, ТИМ предлагает альтернативную интерпретацию: возможно, в разных странах мира действуют две различных институциональных модели финансирования реального сектора, условно обозначенные как «государство-инвестор» и «государство-регулятор». Они выявляются через анализ в динамике структуры инвестиций в основной капитал в России и США по источникам и по секторам, получающим данные инвестиции [Кирдина, 2013].

Кредиты от банков являются одним из источников инвестиционных ресурсов в обеих моделях, пусть и в разной степени. Роль банков в любой экономической системе – это преобразование сбережений в инвестиции и размещение денежных ресурсов между экономическими субъектами. Банки встраиваются в господствующую институциональную модель и обслуживают её: характерные для модели «государство-инвестор» сбор, аккумуляция и перераспределение (storage-cum-redistribution, в терминологии К. Поланьи) финансовых ресурсов также может опосредоваться банками. Преобладание государственных источников и каналов инвестиций не исключает привлечения и частных, в том числе иностранных, инвестиций, что проиллюстрировано опытом Китая. Вопрос заключается в поддержании определённой пропорции между доминантными и компенсирующими институтами на длительном отрезке времени. Деятельность подконтрольных государству банков и их участие в финансировании правительственных проектов и программ (то, что в западной литературе именуют «директивное кредитование» или политически-мотивированное кредитование) может рассматриваться как действие института, коренного для экономики Х-типа. Комплементарный институт в данном случае – это децентрализованное привлечение ресурсов с рынка и их размещение по критериям финансовой эффективности. А через работу частных банков по аккумуляции частных сбережений и их размещению в рыночные активы проявляется институт Y-типа, обеспечивающий необходимый институциональный баланс в системе.

К нашей теме имеет прямое отношение также литература по политической экономике банковского дела и посвящённая роли и особенностям государственных банков. Теоретики «экономики развития» (А. Гершенкрон, Р. Пребиш) видели смысл в участии государства в кредитной системе, особенно в слаборазвитых странах. Существует концепция «государства, способствующего развитию» - the developmental state, опирающаяся на опыт стран Восточной и Юго-Восточной Азии [Woo-Cumings, 1999]. Согласно

теории опекаемых благ [Рубинштейн, 2009], к таким благам государство может время от времени относить результаты отдельных видов экономической деятельности, в том числе и банковской, если по каким-то причинам считает их особо важными для общества.

Кредиты госбанков контрцикличны, т.е. в период кризиса они сокращают кредитование экономики в меньшей степени, нежели банки другой формы собственности [Bertay et al., 2015; Coleman, Feler, 2014; Fungáčová et al., 2013]. Вместе с тем, можно проследить политические мотивы в деятельности госбанков, когда политики или действующее правительство используют госбанки для достижения своих целей, не имеющих прямого отношения к развитию [Sapienza, 2004; Dinç, 2005; Carvalho, 2014]. Ещё в царское время значительная часть деятельности кредитных учреждений была направлена на кредитование дворянства под залог их недвижимости, т.е. на поддержку «классово близких» лиц. В 90-е годы прошлого века политические связи повлияли на становление банков в России, а обладающие такими связями банки продолжали финансирование неплатежеспособных «старых» предприятий в целях сохранения занятости вместо поддержки ростков «новой экономики» [Berkowitz et al., 2015].

В своей известной и многократно процитированной статье Р. Ла-Порта, Ф. Лопес-де-Силанес и А. Шлейфер указывают на негативные эффекты от государственной собственности на банки для финансового развития и экономического роста [La Porta et al., 2002]. Некоторые из утверждений авторов были опровергнуты независимыми эмпирическими исследованиями, но -- «осадок остался», и большинство современных зарубежных авторов видят в деятельности госбанков лишь негатив, а государственная собственность вызывают отторжение. Заметим лишь, что в России государственные банки не обязательно уступают частным по своей эффективности по издержкам [Karas et al., 2010; Верников, Мамонов, 2015; Mamonov, Vernikov, 2017].

Поскольку институты напрямую ненаблюдаемы, то их состояние и динамику приходится оценивать с помощью экспертных оценок. Индивидуальные оценки подвергаются агрегированию для получения индексов типа «верховенства закона», «качества государственного/общественного управления», «лёгкости ведения бизнеса», «институционального климата» и т.д. (Фрейнкман и др., 2009; Баранов и др., 2105).

Есть интересный пример измерения институциональных изменений в области российского законодательства федерального уровня с помощью статистики этого законодательства (Кирдина и др., 2010).

Чем более конкретный институт измеряется и чем более объективна оценка —

тем лучше (Voigt, 2013). Предпочтительно опираться на статистические данные и другие виды объективных измерений, хотя в отрыве от качественных методов и они могут дать недостоверные результаты (Buchanan et al., 2014).

Меня интересуют экономические институты, регулирующие отношения собственности и распределение ресурсов, с точки зрения относительной силы этих институтов. Сила («мощность») экономического института определяется количеством действующих в данной стране по его правилам экономических субъектов (например, работников или организаций) и объёмом подпадающих под эти правила используемых ресурсов, прежде всего земельных, материальных и финансовых (Кирдина, 2013).

Если принять в качестве идентифицирующего критерия форму собственности, то приходится допустить, что все относящиеся к ней экономические субъекты действуют согласно специфическому набору правил. Раз коренным институтом экономики X-типа является государственная собственность, то поле действия экономических институтов X-типа можно считать равным доле государственных банков в совокупных активах (либо кредитах) банковского сектора (Верников, Кирдина, 2010). Аргументом в пользу такого допущения служит многократно исследованная и доказанная в эмпирической литературе специфика государственных банков – например, контрциклический характер их кредитов, когда в период кризиса госбанки сокращают кредитование экономики в меньшей степени, нежели банки другой формы собственности (Bertay et al., 2015; Coleman, Feler, 2014; Fungáčová et al., 2013). Соответственно, мы должны предположить, что и частные банки действуют по своим особым правилам, поскольку они представляют альтернативную форму собственности, являющуюся комплементарной в рамках X-экономики.

Аппроксимация институциональной динамики через показатели структур, коррелированных с тем или иным институтом, обладает простотой, однако лежащее в основе этого метода допущение вызывает вопросы. В самом ли деле деятельность подконтрольных государству банков подчинена государству? Поле действия определённого правила или закономерности в действительности бывает как больше, так и меньше доли субъектов соответствующей формы собственности, потому что структурные и институциональные сдвиги не обязательно происходят синхронно. Важна институциональная среда, в которой действует банк, поэтому одномоментное изменение его статуса – ни приватизация, ни национализация – не может с такой же скоростью изменить режим его функционирования.

В постсоциалистических странах неприватизированные банки какое-то время

пытались выживать в чуждой для них среде после исчезновения привычных механизмов контроля и координации, когда влияние макроэкономических воздействий на них резко ослабло (Клейнер, 2002). В России в начале 90-х годов прошлого века многие из крупных банков и компаний, оставаясь номинально государственными, выпали из контура государственного управления и работали в интересах инсайдеров либо сторонних лиц, а государство как собственник не могло опереться в своей политике на эти активы. С другой стороны, частные банки многих развивающихся и переходных стран участвуют в обслуживании государственных компаний и органов власти и финансировании правительственных проектов и программ, относимых в литературе к категории «директивного» или «политически-мотивированного» кредитования. Таким образом, форма собственности сама по себе не предопределяет институциональную среду.

### 3. Методология

#### 3.1. Показатели

Предшествующие исследования, посвящённые эволюции банковского дела в России, оперировали такими показателями, как размер ссуды, ставка ссудного процента, срок кредита, число кредитных учреждений того или иного типа, приходящаяся на них доля совокупного кредита вместе с процентными платежами («доля рынка»). Под институциональной структурой банковского сектора некоторые российские исследователи (Крылова, Крылов, 2014; Уразова, 21056) вслед за Банком России (Отчёт, 2017) понимают его количественные параметры (число банков и их структурных подразделений), размещение банковских учреждений по регионам страны, уровень концентрации в отдельных сегментах банковского рынка.

Предлагаются показатели с транспарентной методикой расчёта на основе данных статистики либо напрямую доступные из открытых статистических публикаций, причём предпочтение отдано относительным и натуральным показателям, чтобы нейтрализовать эффект инфляции и колебаний обменного курса рубля. Выделены показатели, характеризующие структуру банковского сектора; показатели, отражающие режим и направленность его функционирования; контрольные показатели (Табл. 1).

**Таблица 1.** Метрики для измерения структурных и институциональных сдвигов

Обозначение	Название показателя	Формула расчёта*	Источник данных
<i>Показатели, характеризующие структурные сдвиги</i>			

NUM	Число действующих банков	Число действующих кредитных организаций минус число небанковских кредитных организаций	Банк России
NUMSOB	Число банков, контролируемых государством	Число банков, более половины капитала которых принадлежит государству в широком смысле, включая Банк России, госкорпорации и государственные компании	информация банков; Интернет; мотивированное суждение автора
SOB	Доля банков, контролируемых государством, в общем числе действующих банков	Число подконтрольных государству банков / число действующих банков	
SOBAS	Доля банков, контролируемых государством, в совокупных активах банковской системы	Активы банков, контролируемых государством / совокупные активы банковской системы	рассчитывается по данным банков и Банка России
CORESObAS	Доля ключевых госбанков в совокупных активах банковской системы	Активы ключевых госбанков / совокупные активы банковской системы	рассчитывается по данным банков
SOBLOAN	Доля банков, контролируемых государством, в общем объеме кредитов нефинансовым организациям	Кредиты нефинансовым организациям, выданные банками, контролируемые государством / кредиты, нефинансовым организациям, выданные всеми российскими банками	Банк России
CORESObLOAN	Доля ключевых госбанков в общем объеме кредитов нефинансовым организациям	Кредиты нефинансовым организациям, выданные ключевыми госбанками / кредиты нефинансовым организациям, выданные всеми российскими банками	рассчитывается по данным банков
SOBDEPO	Доля банков, контролируемых государством, в объеме вкладов физических лиц	Вклады физических лиц, привлеченные банками, контролируемые государством / банковские вклады физических лиц	Банк России
SBER	Доля ключевого госбанка в общем объеме вкладов физических лиц	Вклады физических лиц, привлеченные ключевыми госбанками / банковские вклады физических лиц	рассчитывается по данным банков

*Показатели, характеризующие режим и направленность функционирования банковского сектора*

LDR	Отношение кредитов к депозитам	Кредиты нефинансовым предприятиям и физическим лицам / средства, привлеченные от организаций и физических лиц	рассчитывается по данным Банка России
LTA	Склонность банков к кредитованию экономики	Кредиты нефинансовым организациям / активы	рассчитывается по данным Банка России
LONGTERM	Склонность банков к долгосрочному (инвестиционному) кредитованию	Кредиты нефинансовым организациям на срок свыше 3 лет / Кредиты нефинансовым организациям	рассчитывается по данным банков; Банк России
ROE	Рентабельность капитала банков	Финансовый результат за период / Средняя величина собственных средств (капитала)	Банк России; Росстат
ROENOSBER	Рентабельность капитала банков (без Сбербанка)	Финансовый результат за период / Средняя величина собственных средств (капитала)	рассчитывается по данным Банка России

ROESBER	Рентабельность капитала Сбербанка	Финансовый результат за период / Средняя величина собственных средств (капитала)	Сбербанк; Банк России
LTINV	Доля банковских кредитов в общем объеме инвестиций нефинансового сектора экономики в основной капитал	Кредиты банков, поступившие для инвестирования в основной капитал, минус кредиты иностранных банков, поступившие для инвестирования в основной капитал / инвестиции нефинансовых организаций в основной капитал, за период	рассчитывается по данным Росстата
PROFIT	Доля банковской прибыли в общем объеме прибыли, полученной предприятиями страны	Финансовый результат банков / Финансовый результат всех экономических субъектов, за период	Росстат
PROFITNOSBER	Доля банковской прибыли без Сбербанка в общем объеме прибыли, полученной предприятиями страны	Финансовый результат банков без Сбербанка / Финансовый результат всех экономических субъектов, за период	Росстат, Сбербанк
ROAGAP	Рентабельность активов банков по сравнению с нефинансовыми предприятиями	(Средняя рентабельность активов предприятий всех отраслей экономики России за период) – (Средняя рентабельность активов банков), за период	Росстат; Банк России
WAGE	Завышение зарплат в банковском секторе	(Средняя зарплата в финансово-банковском секторе) / (Средняя зарплата в экономике), за период	Росстат
<i>Контрольные показатели</i>			
GDP	ВВП	Индекс реального ВВП	Росстат

\* Если не указано иное, показатель рассчитывается на определённую дату.

*NUM.* Число банков – не только технический показатель: оно влияет как на характер деятельности банков и конкуренции между ними, так и на способность регулятора корректировать эту деятельность и направлять её в определённое русло. Если предположить, что число подконтрольных государству банков не может расти до бесконечности, то большинство возникающих банковских учреждений будет представлять негосударственные формы собственности. Тогда число действующих банков в динамике может указать на прохождение того или иного этапа эволюции (в терминах С.А.Уразовой – волны долгосрочного цикла): наибольший рост данного показателя должен наблюдаться в период финансовой и прочей либерализации. Вместе с тем, число действующих в стране банков недостаточно информативно: на него влияют исторические и институциональные факторы, включая параметры банковского законодательства и регулирования. Бывает так, что двух соседних странах с похожими институциональными характеристиками количество банков – как абсолютное, так и относительное – различается: так, в США банков очень много, а в Канаде мало. И всё же создание новых кредитных учреждений либо уход части существующих всегда находится в центре

внимания исследователей институциональной динамики<sup>7</sup>.

*NUMSOB*. Банки, контролируемые государством, составляют подвыборку из общей совокупности банков, динамику которой передаёт показатель *NUM*. Сюда отнесены банки, более половины капитала которых принадлежит федеральным органам исполнительной власти, региональным и муниципальным органам власти, государственным корпорациям, государственным банкам и промышленным компаниям. При составлении выборки я минимизировал число банков, в которых контроль государства осуществляется *иным способом* при миноритарном участии государства в капитале<sup>8</sup>. Встречаются и более низкие пороговые значения доли государства для признания подконтрольности – например, 25% капитала банка, как в работе экспертов Всемирного банка [Sherif, Borish, Gross, 2003]. Есть источники, которые готовы признать государственным банк вообще без госучастия в капитале, если он ведёт бизнес с государственными структурами и получает от них заметную часть своих доходов; в моей выборке таких учреждений нет.

Контролируемый государством банк по своему уставу – это обычно акционерное общество (если не брать государственные институты развития), которое преследует цель извлечения прибыли, имеет миноритарных частных акционеров, выполняет пруденциальные нормативы и поддерживает показатели финансовой эффективности. В то же время государственный банк должен через свою деятельность выполнять специфические функции, нехарактерные для частных учреждений,<sup>9</sup> однако не любая и не вся его деятельность является выполнением политической воли государства. Примеры своекорыстных либо безответственных действий менеджеров и иных влиятельных инсайдеров государственного банка приводят некоторых специалистов к заключению, что эти банки перестали служить интересам общества в целом, а их менеджеры по своему усмотрению распоряжаются общественными средствами. Подобные явления всё же не могут перечеркнуть основную миссию и направленность работы государствен-

---

<sup>7</sup> Лёгкость создания новой фирмы и высота входного барьера на рынок обязательно оцениваются при расчёте рейтингов «экономической свободы», качества деловой среды и подобных композитных показателей всеми исследователями и международными организациями.

<sup>8</sup> Эксперты ОЭСР считают государственной компанией, которую государство контролирует в качестве конечного бенефициарного владельца большинства голосующих акций либо *иным способом, позволяющим добиться такой же степени контроля* (курсив мой. – А.В.) [OECD, 2015, p.14]. Это достигается через механизмы корпоративного управления – участие в работе совета директоров, наличие «золотой акции» и т.д.

<sup>9</sup> Если предположить автономное существование общественных потребностей, то их носителем и представителем будет являться государство – так полагают авторы теории экономической социодинамики [Гринберг, Рубинштейн, 2000].

ных банков.

В отличие от подавляющего большинства авторов, изучающих постсоциалистические экономики, я не выделяю иностранную собственности, потому что такой формы собственности не существует: все дочерние иностранные банки контролируются частным либо государственным капиталом в своих странах происхождения, в России представлены оба типа [[Vernikov, 2015](#)].

*SOB* (доля банков, контролируемых государством, в общем числе действующих банков) является производным показателем от *NUM* и *NUMSOB* и дополняет количественную характеристику банковского сектора.

*SOBAS* (доля госбанков в активах) - ключевой показатель, характеризующий качественное изменение состава участников отрасли. Альтернативами доле в активах были доля в совокупном зарегистрированном уставном капитале и доля в совокупной величине собственных средств (капитала) банков, но эти два показателя хуже характеризуют масштаб банковской деятельности. При одной и той же величине капитала валюта баланса банка может различаться в несколько раз, а воздействие на экономику оказывают именно банковские операции, прежде всего кредитные, а не размер капитала, который лишь виртуальная счётная величина. Кроме того, размер капитала исчисляется с большим количеством допущений и подвержен манипуляциям и даже фальсификациям со стороны руководства банка, что уменьшает достоверность значений данного показателя. Правда, показатель *SOBAS* тоже не идеален: часть выдаваемых госбанками кредитов может на самом деле представлять собой квазифискальные операции, то есть альтернативный канал бюджетного финансирования госсектора, что завышает объём собственно кредитной активности.

*SOBLOAN* и *SOBDEPO* дополняют *SOBAS* данными о ключевых активных операциях банка (кредитах нефинансовым организациям и предприятиям) и пассивных операциях (депозитах населения). Реальностью некоторых банковских систем является невысокая доля кредитов в активах коммерческих банков и депозитов частного сектора в их пассивах, поэтому их динамика может и отклониться от динамики активов/пассивов в целом. При условии появления доступных данных в эту группу можно будет добавить ещё один показатель – долю государственных банков в общем числе занятых в банковском секторе, что придаёт институциональной структуре банковского сектора человеческое измерение (*human dimension*). Пока таких данных у автора нет.

*CORESObAS*, *CORESObLOAN* и *SBER* – вспомогательные показатели, характеризующие ядро государственного сектора банковской системы. В России крупнейшие



госбанки выделились из общей массы участников рынка и составили особый уровень банковской системы [Верников, 2013]. Кроме того, аппроксимация всего госсектора ведущими банками с госучастием может понадобиться в ситуации, когда среди экспертов нет консенсуса касательно подконтрольности банков государству либо недоступны данные о деятельности госбанков «второго эшелона».

*LDR* (отношение кредитов к депозитам, или *loans-to-deposits ratio*) может использоваться для оценки функциональной адекватности банковской системы, критерий чего -- вклад в реализацию основных задач социально-экономического развития страны через трансферт сбережений домашних хозяйств в инвестиции реального сектора, т.е. выполнение трансформационной функции [Крылова, 2011]. Существенное отклонение значений от 1 может свидетельствовать либо о недоиспользовании собранных банком ресурсов в интересах экономики, либо об авантюрной политике в плане кредитования и управлении ликвидностью.

*LTA*. Смысл показателя в том, чтобы оценить степень приверженности банков выполнению ключевой функции финансового посредника по кредитованию нефинансового частного сектора экономики. Преобладание некредитных активов в общей структуре банковских активов может свидетельствовать о паразитизме банков или как минимум нецелевом характере их деятельности. Так, к середине 1998 г. на кредиты нефинансовым предприятиям приходилась меньшая часть активов коммерческих банков, чем на ценные бумаги - 28,5% и 32,1%, соответственно [Обзор банковского сектора, 2002, №1, с.10, табл.9].<sup>10</sup> Такая постановка вопроса, возможно, покажется кому-то чрезмерно упрощенной [Саломатина, 2004, с.15-16], что ещё не доказывает её неправомерности. Именно структура осуществляемых операций определяет «деловое лицо» кредитного учреждения [там же, с.6] и лежит в основе типологии этих учреждений. Характерно также, что уже в конце XIX века специалисты противопоставляли спекулятивные биржевые операции банков «правильным», которые предоставляют оборотные и основные средства промышленности. Актуальность этого противопоставления сохраняется 120 лет спустя. Я сознательно выделяю кредитование нефинансовых предприятий, а не кредиты всего, которые включаются и кредиты финансовым учреждениям, государственным органам, населению и т.д. Й.Шумпетер указывал на различие между «первичной волной» кредитов, поступающих нефинансовому сектору экономи-

---

<sup>10</sup> Кроме покупки государственных облигаций, банки в тот период спекулировали иностранной валютой и другими финансовыми активами и участвовали в захвате промышленных предприятий, т.е. фактически действовали как хедж-фонды.

ки и участвующих в финансировании инноваций, т.е. «продуктивным» кредитованием, и «вторичной волной», которая финансирует уже рост потребления, чрезмерное инвестирование и спекуляции. Кредитование потребления Шумпетер вообще исключил из своей теории кредита, положительно влияющего на развитие [Шумпетер, 1982]. Применив подход Шумпетера к современным данным, Д.Беземер показал, что игнорирование этого различия может привести к парадоксальным эмпирическим результатам – например, отрицательной корреляции между кредитованием и экономическим ростом. Если же разделить потоки банковских кредитов в зависимости от их предназначения, как бы трудно ни было это сделать, то многое встаёт на свои места [Bezemer, 2014]. Имеет значение и то, с помощью каких инструментов банки предоставляют свои ресурсы нефинансовым компаниям, – через кредиты, являющиеся результатом двусторонних связей между заёмщиком и кредитором, или через покупку рыночных инструментов типа акций [Hardie, Howarth, 2013]. Поэтому я сконцентрировался на доле кредитов нефинансовому сектору в активах и отказался от таких сверхпопулярных показателей, как «финансовая глубина»<sup>11</sup> и соотношение банковских активов с годовым ВВП.

*LONGTERM* передаёт ещё один важный аспект банковского кредитования. Проблематичное в методическом плане исчисление «продуктивного кредитования» я аппроксимирую долгосрочным (на срок свыше 3 лет) банковским кредитованием нефинансовых предприятий на том понимании, что, как правило, на более длинный срок выдаются кредиты инвестиционной направленности, а не для пополнения оборотных средств, проведения торговых сделок и т.д. Фактическое предназначение долгосрочных кредитов может быть весьма различным, что не отражается в банковской статистике, а национального кредитного реестра в России не существует. Проектное финансирование в области недвижимости и девелопмента и продление безнадёжных кредитов нередко маскируется под корпоративное кредитование (через подставные юридические лица) для обхода пруденциальных нормативов [Тулин, 2006]. Д.В. Тулин полагает, что российские промышленные предприятия испытывают нехватку собственных средств, поэтому привлечение дорогих инвестиционных кредитов им просто не по карману, поэтому для модернизации парка машин и оборудования и для капитального

---

<sup>11</sup> «Финансовая глубина» (financial depth) обычно измеряется как соотношение между кредитами частному сектору и годовым ВВП страны [Arcand et al, 2015], но иногда в числитель помещаются все банковские активы. Финансовая глубина может быть предиктором экономического роста, но может работать и с обратным знаком, если размеры финансового сектора превышают некий оптимальный уровень. Высокое значение показателя свидетельствует о перекредитованности экономики и систематическом перераспределении прибавочного продукта в пользу банков, что вряд ли хорошо для подавляющего большинства населения страны.

строительства они нуждаются не в долгосрочных кредитах, а в увеличении собственного капитала [Тулин, 2010]. Склонность российских банков заниматься долгосрочным кредитованием зависит от формы собственности, вопреки мнению Л.Черных и А.Феодосиу [Chernykh, Theodossiou, 2011]: негосударственные банки заметно уступают здесь государственным [Верников, Мамонов, 2016]. Развитие частного банковского дела при прочих равных условиях может быть в большей мере направлено на извлечение прибыли из краткосрочного кредитования (на пополнение оборотных средств и т.д.), операций на финансовом рынке и других видов деятельности, не связанных прямо с инвестициями в промышленные активы. Усиление позиций госбанков ассоциируется с централизацией кредитного процесса и использованием госбанков в реализации промышленной (структурной) политики [Vanteeva, Hickson, 2015].

*ROE* отражает рентабельность банковского бизнеса. В качестве ожидаемой динамики принимаем постулат господствующей экономической теории о неэффективности государственной собственности на банки, и динамика *ROE* может совпадать с динамикой доли частных банков, т.е. расти на первом этапе и падать на втором. В последние годы основная масса прибыли банковского сектора заработана Сбербанком и другими крупными госбанками, тогда как большинство частных банков балансируют на грани рентабельности либо показывают убытки, поэтому приходится ввести два дополнительных уточняющих показателя – рентабельность капитала банков без Сбербанка (*ROENOSBER*) и рентабельность капитала самого Сбербанка (*ROESBER*).

*LTINV* отражает роль банков в финансировании инвестиций в основной капитал. Банковские кредиты ни в одной стране не являются главным источником инвестиций, и значение показателя может падать вследствие опережающего роста других источников инвестиционной деятельности предприятий. Кроме того, российские банки не специализируются на финансировании инвестиций в основной капитал и в первую очередь кредитуют предприятия под оборотные средства. И всё же в России кредиты национальных банков – это основная часть внешних источников инвестиций, особенно в современных внешнеполитических условиях.

*PROFIT* (доля банковской прибыли в общем объеме прибыли, полученной экономическими субъектами страны). Отдельно рассчитывается то же без учёта Сбербанка (*PROFITNOSBER*). Предполагаю, что банки присваивают себе растущий кусок общественного пирога в период расцвета частной банковской деятельности.

*ROAGAP* сравнивает доходность банковских активов с нефинансовыми предприятиями, причём первая из этих величин по статистике меньше второй вследствие спе-

цифической отраслевой структуры российской экономики (удельный вес ресурсных отраслей). В период либерализации и финансовализации можно ожидать, что отставание банков будет сокращаться, в остальные периоды – увеличиваться.

*WAGE* показывает превышение зарплат в банковском секторе<sup>12</sup> над средними зарплатами в экономике (включая отрасли с несравненно более тяжёлыми и непривлекательными условиями труда). Дело не в номинальных значениях средних зарплат или их соотношении в статике, а в их относительной динамике. Она ожидается такой же, как у показателя *ROAGAP*: в период укрепления положения банков относительно других экономических агентов коэффициент завышения зарплат в финансовом секторе должен возрастать.

*GDP* (индекс реального ВВП) добавлен в качестве макроэкономического показателя. Между банковской деятельностью, лежащей в основе финансового развития большинства стран, и экономическим ростом есть значимая позитивная взаимосвязь [King, Levine, 1993], хотя она может преувеличиваться из-за эндогенности показателей [Valičková et al., 2015]. Направление причинно-следственной связи может быть как прямым, так и обратным [Zang, Kim, 2007].

### 3.2. Данные

**Период наблюдений.** Временные рамки охватывают лишь ограниченный период истории банковского дела в России (1991-2016 гг.), однако целью работы является отработка подхода и формирование набора метрик, поэтому привлечь дополнительный исторический материал можно будет на следующем этапе. Особый интерес представляют точки перегиба, в которых направление динамики меняется. Данные собирались, начиная с 1991 г., т.к. до того Россия не существовала как независимое государство, однако отход от полностью централизованной модели кредитной системы начался на несколько лет раньше, т.е. ещё при СССР. Сначала в дополнение к Госбанку и Стройбанку были созданы государственные специализированные банки - «спецбанки» [Захаров, 2005; Кротов, 2010], затем в 1988 г. был принят Закон «О кооперации», легализовавший кооперативные (а по сути частные) банки, и к концу 1989 г. таких насчитывалось уже 224. В 1990 г. Закон «О банках и банковской деятельности РФ» декларировал двухъярусную банковскую систему. Поэтому, хотя радикальная ломка институциональной системы СССР действительно датируется 1991 г., начало было положено раньше.

---

<sup>12</sup> Росстат публикует зарплату занятых «финансовой деятельностью», а не в банках, но, поскольку банки составляют свыше 90% всего финансового посредничества в России, такая аппроксимация допустима.

**Данные** о значениях финансовых показателей российских коммерческих банков взяты из банковской статистики и финансовой отчётности, раскрываемой через страницу Банка России в сети Интернет [[www.cbr.ru](http://www.cbr.ru)], а также с сайтов рейтинговых агентств РИА Рейтинг и «Эксперт РА». Макроэкономические показатели (индекс реального ВВП, структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования, прибыль, рентабельность, зарплата) взяты из публикаций Росстата.

Некоторые институциональные показатели построены и рассчитаны автором самостоятельно – например, число банков, контролируемых государством [Верников, 2009; Vernikov, 2009, 2015]. Сведения о государственном участии в капитале банков удалось собрать лишь за период с 1999 г. В 1990-1992 гг. произошло расчленение и акционирование спецбанков в рамках их «спонтанной приватизации» (расхищения инсайдерами). Из 1414 действовавших к 1992 г. коммерческих банков больше половины, а именно 767, были созданы на базе бывших специализированных банков [Schoors, 2003], но полная база этих данных автору недоступна. Авторские оценки удельного веса государственных банков в совокупных кредитах и депозитах могут отличаться от тех, которые публикует Банк России в своих материалах, но в данной работе по мере возможности в расчётах использованы официальные оценки.

Показатели подконтрольных государству банков входят в расчёт агрегатов в полном объёме без взвешивания на долю государственного участия. Я предполагаю, что контрольный пакет голосующих акций позволяет через назначение исполнительных органов банка оказывать решающее влияние на его кредитную и финансовую политику вне зависимости от миноритарных групп интересов.

К числу ключевых государственных банков в данной работе отнесены три российских банка - Сбербанк России, ВТБ (без дочерних учреждений) и Россельхозбанк. При рассмотрении динамики кредитов впервые в литературе учтены данные по Внешэкономбанку, который по содержанию своей деятельности в области проектного и корпоративного финансирования примыкает к ключевым госбанкам.<sup>13</sup>

За весь период наблюдений имеются данные лишь по трём показателям, а до 1998 г. покрытие слабое. Всего есть 408 наблюдений. Описательная статистика показателей приведена в **Прил.1**, значения корреляции между показателями - в **Прил.2**.

Показатели *SOBAS* и *CORESObAS*, *SOBLOAN* и *CORESObLOAN*, *SOBDEPO* и *SBER*

---

<sup>13</sup> У государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» нет банковской лицензии, поэтому его показатели не включаются регулятором в банковскую статистику и не раскрываются через сайт Банка России.

отражают данные по более широкой и более узкой выборке, соответственно, поэтому высокая корреляция внутри каждой из этих пар закономерна. Показатели *SOBAS*, *CORESObAS*, *SOBLOAN* и *CORESObLOAN* коллинеарны, однако оставить один из них и отказаться от остальных можно будет в дальнейшем при регрессионном анализе, а на данном этапе в этом нет необходимости.

## 4. Результаты и их интерпретация

### 4.1. Динамика показателей

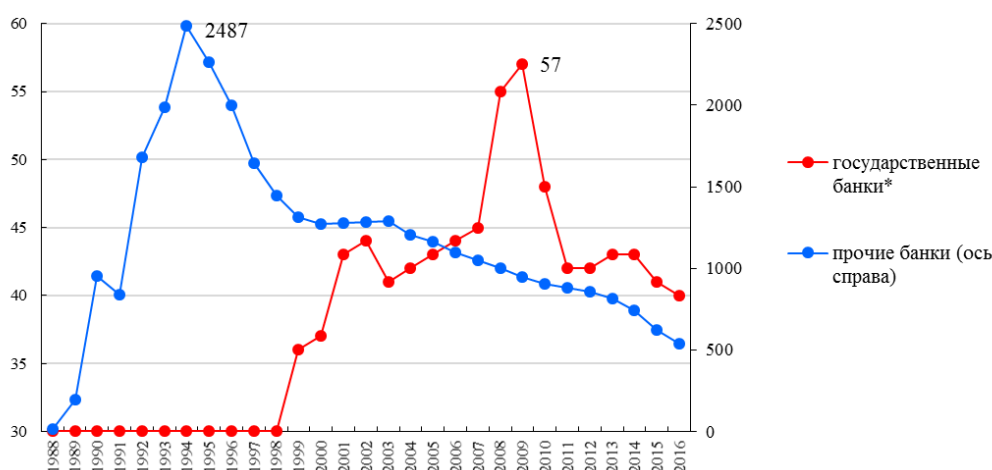
Результаты обработки статистических данных приведены в **Табл.2** в виде знаков динамики каждого из показателей. В правой колонке указаны также «точки перегиба», т.е. годы, когда знак сменился на противоположный. Для удобства анализа отдельные графики по каждому из показателей приведены в **Прил.3**.

**Таблица 2.** Динамика показателей

Показатель	Направление динамики		Точка(-и) перегиба
	ожд.	факт.	
NUM	↑↓	↑↓	1994
NUMSOB	↓↑	↓↑↓	1999, 2009
SOB	↓↑	↓↑	1999
SOBAS	↓↑	↓↑	2000
CORESObAS	↓↑	↓↑	2000
SOBLOAN	↓↑	↓↑	...
CORESObLOAN	↓↑	↓↑	...
SOBDEPO	↓↑	↓ = ↑	2007, 2012
SBER	↓↑	↑↓ =	1999, 2012
LDR	↓↑	?↑↓	2008
LTA	↓↑	↓↑ =	1999, 2004
LONGTERM	↓↑	↓↑	2001
ROE	↑↓	↑↓ =	2001, 2009
ROENOSBER	↑↓	↑ = ↓	2001
ROESBER	↓	↓	-
LTINV	↓↑	↓↑ =	2000, 2008
PROFIT	↑↓	↑ = ↓	2002, 2013
PROFITNOSBER	↑↓	↑ =	2003
ROAGAP	↓↑	↑↓↑↓	2000, 2002, 2006

Красным цветом выделены показатели, динамика которых отклонилась от ожидаемой. Знак «=» обозначает отсутствие чётко выраженного направления. «...» означает отсутствие данных.

*NUM*. Падение поголовья началось уже в 1994 г., т.е. ещё в период либерального реформаторства экономики, из-за того, что подавляющее большинство возникших в первой половине 90-х годов банков были мелкими и неустойчивыми. Непосредственно после кризиса, с 1999 г. по 2003 г., число банков стабилизировалось, вопреки ожиданию. Всего за 1994-2016 гг. число банков сократилось более чем в 4 раза. Интересно, что банковская численность сильно и отрицательно коррелирована с индексом ВВП (-0.81). Попытка смоделировать эволюцию банковского сектора как стохастический процесс с помощью цепей Маркова показывает, что число банков будет сокращаться и дальше [Penikas, Petrova, 2014]. Впрочем, консолидация отрасли протекает в России иначе, чем в большинстве других стран. Слияния между «живыми» банками достаточно редки; уход с рынка происходит обычно не эволюционным путём, а в результате действий регулятора, но такой процесс вряд ли можно считать стохастическим.



\* Точное число банков, контролируемых государством до 1999 г., рассчитать пока не удалось.

### Рис.1. Число банков в России.

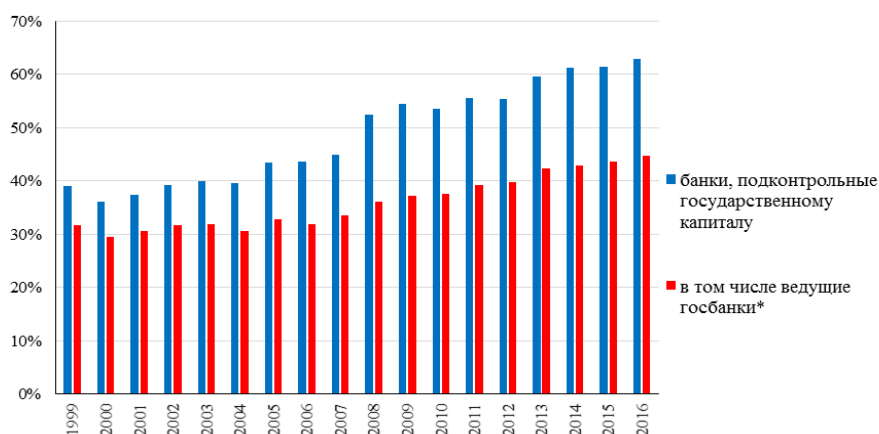
Источники: Банк России; расчёты и оценки автора

*NUMSOB*. Всплески числа госбанков случались в результате вынужденной национализации неплатежеспособных частных учреждений после 1998 г. и 2008 г. (Рис.1). Вопреки первоначальному предположению, с 2009 г. госбанков становится всё меньше, хотя общее число действующих банков падает даже быстрее, поэтому доля госбанков в общей численности (показатель *SOB*) после 2011 г. немного возросла.

*SOBAS* и *CORESOMBAS*. Доля государственных банков неуклонно росла с 2000 г. и превысила 60%, в значительной мере благодаря трём «национальным чемпионам» (Сбербанк России, ВТБ и Россельхозбанк) (Рис.2). Вместе с кредитным портфелем



Внешэкономбанка доля госбанков на кредитном рынке превысила 65%, т.е. просматривается замещение частных кредитных учреждений государственными.



\* Сбербанк России, ВТБ и Россельхозбанк, без дочерних банков

Источник: рассчитано автором по данным: Банк России; РИА-Рейтинг [<http://riarating.ru/>]; [[www.kuap.ru](http://www.kuap.ru)]

**Рис.2.** Удельный вес банков, контролируемых государством, в % от совокупных активов коммерческих банков

*SOBDEPO* и *SBER*. Динамика структуры вкладов оказалась противоположной тому, что происходило на рынке банковских кредитов. Если в 2000-2003 гг. падение доли Сбербанка можно объяснить стремлением к новизне и привлекательностью услуг, предлагаемых частниками, то с 2004 г. основное влияние оказывал эффект от вступившей в действие системы страхования вкладов (ССВ). Её основной целью как раз было размытие монополии Сбербанка на рынке и переток вкладов в частные банки. Эта парадоксальная политика ухудшила условия конкуренции для ключевого госбанка. В результате такого вмешательства в естественную эволюцию системы, динамика показателей *SOBDEPO* и *SBER* после 2003 г. перестала быть независимой. Если вычесть из показателя *SOBDEPO* данные по Сбербанку, то динамика вкладов населения в остальных госбанках становится сопоставима с тенденциями на кредитном рынке.

*LDR*. Соотношение между выданными банками кредитами и привлечёнными ресурсами росло вплоть до 2008 г., а затем приобрело понижающую динамику. Я вижу здесь связь со степенью зрелости банковской системы и прохождением ею фаз бизнес-цикла, однако затрудняюсь интерпретировать это сквозь призму институциональной динамики.

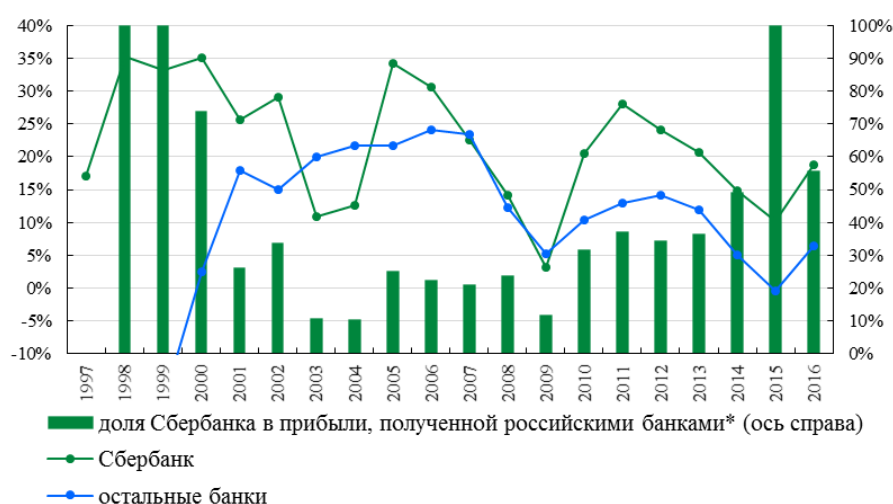
Склонность банков к кредитованию реального сектора экономики (*LTA*) не росла с 2007 г. вследствие стагнации экономики и нарастания кредитных рисков.

Рост склонности банков заниматься долгосрочным кредитованием (*LONGTERM*) после 2013 г. подрывает доверие к этому показателю: доля долгосрочных кредитов на



уровне 45,9% кредитного портфеля в 2016 г. выглядит неправдоподобно, тем более на фоне стагнации реального сектора. За этим могут стоять факторы, не имеющие отношения к институциональной динамике, вплоть до фальсификации отчётности коммерческими банками, избегающими показывать истинную величину неработающих (необслуживаемых) кредитов. Статистика указывает и на падение доли трёх ведущих государственных банков и Внешэкономбанка в сегменте долгосрочного кредитования, во что также трудно поверить.

Рентабельность капитала (*ROE*) колебалась в широком диапазоне вне видимой связи с макроэкономическим положением и институциональными изменениями. Если не учитывать Сбербанк, то финансовые результаты остальных участников рынка становятся скромнее, а их динамика более плавной (**Рис.3**).



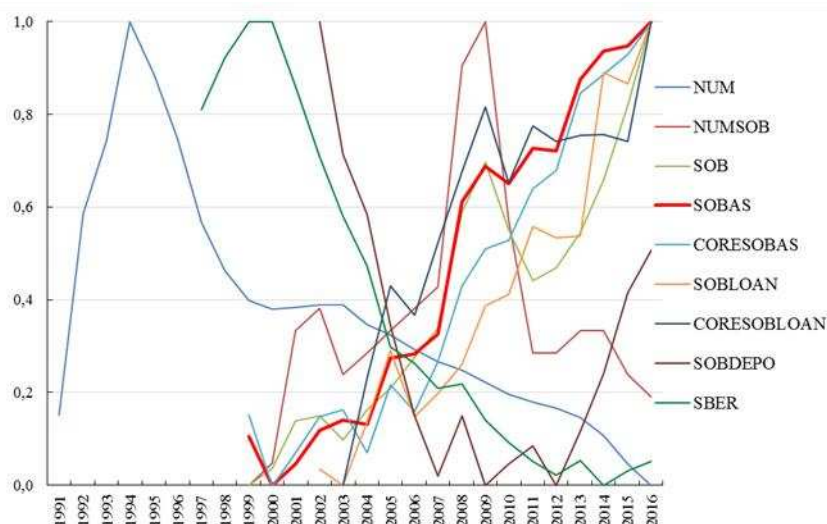
\* Доля Сбербанка обозначена равной 100% в те годы, когда суммарный финансовый результат остальных банков был отрицательным (1998-1999, 2015).

**Рис.3.** Рентабельность капитала (ROAE) российских банков

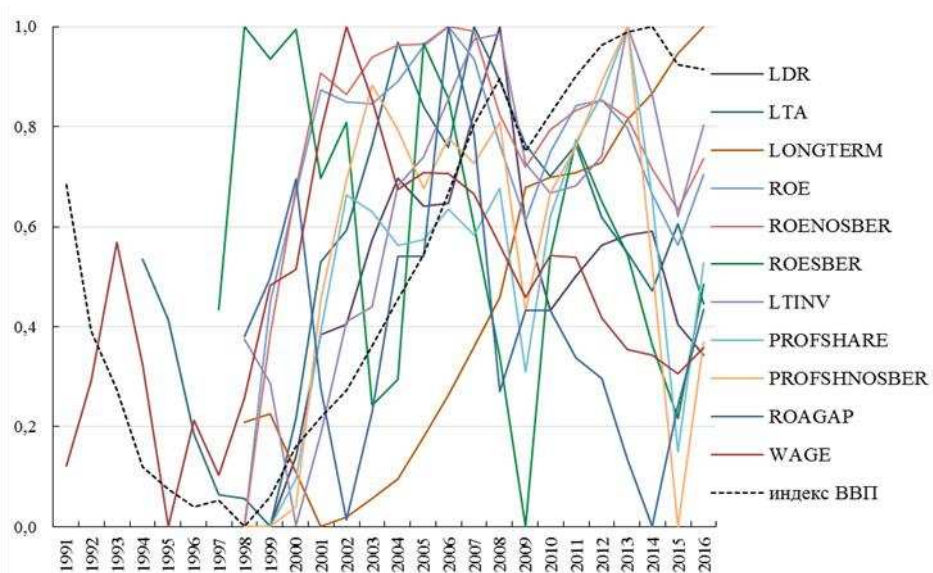
*ROAGAP*. Отставание банковских активов от нефинансовых по рентабельности увеличилось сразу после кризиса 1998 г., что логично, и сократилось после 2008 г., что сложно объяснить.

Коэффициент завышения зарплат в финансовом секторе по сравнению со средними по стране (*WAGE*) перестал снижаться в 2013 г. и даже немного вырос в 2016 г. Видимо, банки научились извлекать выгоду из своего олигопольного положения и неразвитости небанковских финансовых учреждений.

Сводные данные графически отображены на **Рис.4**. Значения всех показателей были нормализованы.



А. Показатели, характеризующих структурные сдвиги в банковском секторе



Б. Показатели, характеризующие режим и направленность функционирования банковского сектора

**Рис.4.** Сводная динамика показателей (описание показателей в Табл.1 и Прил.1).

Восемь показателей изменили направление своей динамики в 1999-2000 гг., ещё два – в 2001 г. В интервал 2005-2008 гг., указанный в работах С.А.Уразовой, попала точка перегиба четырёх показателей. Эволюционные изменения накапливаются постепенно, и показатели могут срабатывать с определённым временным лагом, поэтому изменившаяся на рубеже нового века динамика критической массы показателей вполне могла бы предсказать переход банковской отрасли на новый тип функционирования.

На графике видно также, что вне общего тренда колебались показатели *NUMSOB*, *SOBDEPO*, *LDR*, *ROESBER*, *PROFIT* и *ROAGAP*. Динамика *SBER* (доля Сбербанка на рынке частных вкладов) находилась в противофазе другим структурным показателям вследствие направленного действия ССВ.

Лишь часть временных рядов охватывает период до 1998 г., поэтому материала для применения статистических методов и проведения факторного анализа за 1991-1998 гг. недостаточно. Данные за 1999-2016 гг. были обработаны с помощью программного пакета SPSS (Прил.4). Первая компонента агрегировала динамику семи основных показателей, причём самый высокий коэффициент (0.986) – у показателя *SOBAS* (доля государственных банков в совокупных активах банковского сектора). Это оправдывает аппроксимацию им институциональной динамики в рассматриваемый период, хотя доля государственных банков не тождественна типу функционирования банковской отрасли. Замена показателей *SOBAS*, *SOBLOAN* и *SOBDEPO* на дублирующие (*CORESOMBAS*, *CORESOMBLOAN* и, в меньшей степени, *SBER*) даёт похожие результаты, поэтому можно сказать, что ключевые госбанки адекватно аппроксимируют всю группу государственных банков.

#### **4.2. Интерпретация эмпирических данных**

В подтверждение выдвинутой гипотезы, период наблюдений распадается на два: с 1991 г. по 1998 г. и с 1999 г. по 2016 г. Вначале экономические институты централизованной экономики уступили место институтам частной собственности и рыночной координации. Власти занялись либеральным реформаторством, разрушив централизованную кредитную систему и самоустранившись от распределения кредитных ресурсов. Практически ниоткуда возникли сотни организаций, называвшихся банками и не проявлявших интереса к кредитованию, особенно долгосрочному. Во второй половине 90-х годов частный банковский капитал контролировал уже 2/3 всей системы, хотя в экономической истории России частные финансовые учреждения если и главенствовали, то недолго и неудачно. Финанциализация (развитие финансового сектора) проходила на фоне гибнущих предприятий реального сектора и в значительной мере за счёт других отраслей: выросла прибыльность банков и присваиваемая ими доля совокупной прибыли; средние зарплаты в банках росли быстрее, чем в других отраслях.

Динамика изменилась после банковско-финансового кризиса 1998 г. Вследствие «провала рынка» - краха основных частных банков - государство вернулось в банковскую сферу как регулятор и производитель услуг в качестве контролирующего акционера крупнейших банков и институтов развития. Показатели государственных банков улучшаются, тогда как прибыльность частного банковского капитала падает. Банки стали больше заниматься своим основным делом, а именно кредитованием реального

сектора, в том числе в рамках проводимой через них промышленной политики.

По описанной логике менялись прежде всего показатели, отражающие состав участников рынка и пропорцию проходящих через них ресурсов. Динамика же показателей, «отвечающих» за результаты банковской деятельности и её место в экономике страны, была гораздо менее последовательной и логичной. Причиной может быть как нелинейная связь между первыми и вторыми или даже её отсутствие, так и запаздывание (лаг). Сокращение численности банков идёт с 1994 г., государственный сектор расширяется с 1999 г. параллельно структурным и другим реформам – например, введению ССВ.

Некоторые из статистических показателей, призванных уловить изменение смысловых правил и норм поведения (институтов), действительно отреагировали на структурные сдвиги, некоторые – нет. С 2011 г. падала склонность банков заниматься кредитованием реального сектора, в том числе на цели инвестиций в основной капитал. Госбанки пока воздерживаются от самоограничения своей высокой рыночной власти, прибыли и заработных плат. Они привлекают и размещают ресурсы на финансовом рынке, оценивают риск и возвратность своих кредитных вложений, конкурируют на рынке труда, имеют биржевые котировки своих акций и платят дивиденды акционерам. Основная часть операций банка совершается по решению его менеджеров и направлена на извлечение прибыли. Государственные банки действуют в России в квазирыночной среде, которая успела сформироваться за последние 25-30 лет и обладает инерцией, тем более что официально провозглашена их трансформация в «нормальные коммерческие банки». С 2011 г. падала склонность банков заниматься кредитованием реального сектора, в том числе на цели инвестиций в основной капитал. Не склонны госбанки и к альтруизму в виде ограничения своих прибылей и заработных плат. Поэтому рост государственного сектора в отрасли не вызвал немедленной смены её режима функционирования на тот, который ассоциируется с институциональной матрицей X (образ банковской системы, характерной для матрицы X-типа, пока не распознаётся через сочетание её характерных признаков).



**Рис.5.** Институциональная динамика в банковской системе России

На **Рис.5** - попытка графически изобразить направление институциональной динамики в банковской системе. Соотношение закрашенной и незакрашенной площади соответствует мощности институтов того или иного типа, исходя из проведённого выше количественного анализа. Форма линии тренда отражает авторское предположение о том, что огосударствление кредитной системы имеет предел, до которого уже недалеко. Перехлёт в огосударствлении, как и в приватизации, вреден для устойчивости системы. Деградация частного банковского капитала и уход с рынка большого числа частных учреждений даёт госбанкам чрезмерную рыночную власть, что повышает их финансовую эффективность на фоне удорожания и ухудшения качества банковских услуг. Если учесть целенаправленное кредитование через институты развития (Внешэкономбанк, Фонд развития промышленности и др.), то доля госсектора уже может быть чрезмерной, нарушающей «золотую пропорцию»  $2/3 - 1/3$ . Значит, через какое-то время маятник должен будет качнуться в обратную сторону, т.е. частная инициатива получит больше простора и поддержки (вероятно, опять за счёт государственного имущества). Так уже было не один раз в прошлом.

Обнаруженная мной цикличность вряд ли совпадает с кондратьевскими «длинными волнами», хотя бы уже ввиду длины волны. Последний по времени период либерального реформаторства и частной инициативы длился примерно 10 лет, а такая длина скорее характерна для цикла С.Кузнецца.

Усилия правительства по совершенствованию институциональной среды могут быть направлены в ту же сторону, что и вектор эволюции, а могут и в противоположную. Абсолютизируя ценность конкурентных отношений, правительство ввело в 2003

г. страхование частных вкладов с целью улучшить конкурентоспособность любых банков, и прежде всего частных, за счёт Сбербанка. Это затормозило естественную эволюцию популяции коммерческих банков, замедлило структурную перестройку отрасли и её очистку сектора от негодных участников. Доверие вкладчиков частным банкам остаётся очень низким [Ибрагимова, 2015]. Поэтому стабилизацию позиций Сбербанка на рынке вкладов населения в 2012 г. и рост доли остальных госбанков можно трактовать как равновесие между насаждённым институтом страхования и направленным в другую сторону вектором доверия вкладчиков к государству и недоверия к частным финансовым посредникам.

Полагаю, что для выхода из сложившегося «институционального равновесия» требуется изменение системы управления государственным имуществом — долями в капитале банков, в том числе принадлежащими государственным компаниям и корпорациям. Дихотомия в плане двух наборов миссий и приоритетов ведёт к недоиспользованию потенциала госбанков и искажает конкурентные отношения.

## 5. Заключение

Период наблюдений (1991-2016 гг.) был достаточно коротким и охватил лишь две фазы волнообразной динамики, по которой меняется соотношение между институтами рыночной экономики и институтами редистрибутивной экономики. В 1999-2000 гг. изменилось направление динамики большинства показателей, описывающих структуру банковского сектора с точки зрения форм собственности. Лишь некоторые из показателей институциональной динамики успели отреагировать на рост госсектора: выросла склонность банков к долгосрочному кредитованию экономики и доля банковских кредитов в общем объёме инвестиций нефинансового сектора в основной капитал. Снизилась рентабельность капитала банков (без Сбербанка) и соотношение между зарплатами в банковском секторе и средней по стране. В связи с ростом государственных банков, идёт накопление «инкрементных институциональных изменений» [Норт, 1997], но они ещё не составили критическую массу, ведущую к качественному скачку («фазовому переходу первого рода») в общей направленности функционирования банковского сектора.

## Основные источники

Ананьич Б.В. *Банкирские дома в России 1860-1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006.

- Андрюшин С.А. *Банковская система России: особенности эволюции и концепция развития*. – М.: Институт экономики РАН, 1998.
- Баранов А.Ю., Малков Е.С., Полищук Л.И., Рохлиц М., Сюняев Г.Р. Измерение институтов в российских регионах: методология, источники данных, анализ // *Вопросы экономики*. 2015. № 2. С. 69-103.
- Бовыкин В.И., Петров Ю.А. *Коммерческие банки Российской империи*. М.: «Перспектива», 1994.
- Бугров А.В. *Очерки по истории казённых банков в России*. М.: Научно-технич. центр «КВАН», 2003.
- Верников А.В. Формы собственности и институциональные изменения в банковском секторе: (Научный доклад). М.: Институт экономики РАН, 2007.
- Верников А.В. Доля государственного участия в банковской системе России // *Деньги и кредит*. 2009. № 11. С.4-14.
- Верников А.В., Кирдина С.Г. Эволюция банков в X- и Y-экономиках. – в сб.: *Эволюционная экономика и финансы: инновации, конкуренция, экономический рост*. М.: Институт экономики РАН, 2010. С. 244-278.
- Верников А.В. «Национальные чемпионы» в структуре российского рынка банковских услуг // *Вопросы экономики*. 2013. № 3. С. 94-108.
- Верников А.В., Мамонов М.Е. Сравнительный анализ эффективности госбанков и частных банков в России: новые расчеты // *Деньги и кредит*. 2015. № 7. С.21-32.
- Верников А.В., Мамонов М.Е. Долгосрочное банковское кредитование: какие банки им занимаются и почему? // *ЭКО*. 2016. № 9. С.135-150.
- Гиндин И.Ф. *Русские коммерческие банки: из истории финансового капитала в России*. М.: Госфиниздат, 1948.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. *Экономическая социодинамика*. М.: ИЭСПРЕСС, 2000.
- Захаров В.С. *Очерки банковской реформы 1988-1991 годов*. М.: Финансы и статистика, 2005.
- Ибрагимова Д.Х. Динамика доверия финансовым институтам и парадоксы сберегательного поведения населения // *Банковское дело*. 2015. № 12. С. 27-34.
- Кирдина С.Г. *Институциональные матрицы и развитие России*. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2001.
- Кирдина С.Г. *X- и Y-экономики: институциональный анализ*. М.: Наука, 2004.
- Кирдина С., Рубинштейн А., Толмачёва И. Некоторые количественные оценки институциональных изменений: опыт исследования российского законодательства // *Terra Ecomoticus*. 2010. Т.8. №3. С.8-22.
- Кирдина С.Г. Институциональные модели финансирования реального сектора // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2013. № 2(18). С.129–155.
- Кирдина С.Г. *Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию*. С.-Пб. и М.: Нестор-История, 2014.
- Клейнер Г.Б. Эффективность мезоэкономических систем переходного периода // *Проблемы теории и практики управления*. 2002. № 6. С.24-30.
- Клейнер Г., Петросян Д., Беченов А. Ещё раз о роли государства и государственного сектора в экономике // *Вопросы экономики*. 2004. № 4. С.25-41.
- Кротов Н. *История советской банковской реформы 80-х годов XX века. Книга 1. Спецбанки*. М.: Экономическая летопись, 2010.
- Крылова Л.В. Функции банков и банковской системы: теоретический аспект и методы количественной оценки // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2011. № 7(49). С.2-8.

- Крылова Л.В., Крылов С.В. Институциональная структура российской банковской системы и направления ее трансформации // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2014. № 40. С.2-10.
- Маевский В.И. *Введение в эволюционную макроэкономику*. М.: «Япония сегодня», 1997.
- Макаров В.Л. О применении метода эволюционной экономики // *Вопросы экономики*. 1997. №3. С.18-20.
- Норт Д. *Институты, институциональные изменения и экономические преобразования*. М.: Начала-пресс, 1997.
- Обзор банковского сектора Российской Федерации (интернет-версия). М.: Банк России. С ноября 2002 г. по февраль 2017 г. – за соответствующий период.
- Отчёт о развитии банковского сектора и банковского надзора. М.: Банк России. – за соответствующий год.
- Рубинштейн А.Я. К теории рынков «опекаемых благ». Статья I. Опекаемые блага и их место в экономической теории // *Общественные науки и современность*. 2009. №1. С.139–152.
- Саломатина С.А. *Коммерческие банки в России: динамика и структура операций, 1864–1917 гг.* – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
- [Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования](#) [Электронный ресурс]. Росстат.
- Тулин Д.В. О способах фальсификации банками финансовой отчетности // *Деньги и кредит*. 2006. № 3. С.15-20.
- Тулин Д.В. «Финансы для модернизации» (отклики читателей) // *Деньги и кредит*. 2010. №5. С.42-44.
- Уразова С.А. (2015а). Волны реформ и контрреформ банковской системы России в динамике длинных экономических циклов Н.Д. Кондратьева // *Финансовые исследования*. 2015. № 3 (48). С. 79-90.
- Уразова С.А. (2015б). Волны реформ и контрреформ банковской системы России в динамике долгосрочных экономических циклов Н.Д. Кондратьева (продолжение) // *Финансовые исследования*. 2015. № 4 (49). С. 103-112.
- Фрейнкман Л.М., Дашкеев В.В., Муфтяхетдинова М.Р. Анализ институциональной динамики в странах с переходной экономикой // *Научные труды ИЭПП*, № 126. М.: 2009.
- Шумпетер Й.А. *Теория экономического развития*. М.: Прогресс, 1982.
- Arcand J., Berkes E., Panizza U. (2015). Too much finance? *Journal of Economic Growth* **20**(2): 105-148. [doi:10.1007/s10887-015-9115-2](https://doi.org/10.1007/s10887-015-9115-2)
- Berkowitz D., Hoekstra M. Schoors K. (2014). Bank privatization, finance, and growth. *Journal of Development Economics* **110**: 93-106.
- Bertay A., Demirgüç-Kunt A., Huizinga H. (2015). Bank ownership and credit over the business cycle: Is lending by state banks less procyclical? *Journal of Banking and Finance* **50**: 326-339.
- Bezemer D. (2014). Schumpeter might be right again: the functional differentiation of credit. *Journal of Evolutionary Economics* **24**(5): 935-950.
- Bonin J., Hasan I., Wachtel P. (2005). Bank performance, efficiency and ownership in transition countries. *Journal of Banking and Finance* **29** (1): 31-53.
- Buchanan J., Chai D.H., Deakin S. (2014). Empirical analysis of legal institutions and institutional change: multiple-methods approaches and their application to corporate governance research. *Journal of Institutional Economics* **10**(1): 1-20.
- Carvalho D. (2014). The real effects of government-owned banks: Evidence from an emerging market. *Journal of Finance* **69**(2): 577–609.



- Chernykh L., Theodossiou A. (2011). Determinants of bank long-term lending behavior: Evidence from Russia. *Multinational Finance Journal* **15**(3/4): 193-216.
- Coleman N., Feler L. (2015). Bank ownership, lending, and local economic performance during the 2008–2009 financial crisis. *Journal of Monetary Economics* **71**(4): 50–66.
- Dinç S. (2005). Politicians and banks: Political influences on government-owned banks in emerging countries. *Journal of Financial Economics* **77**(2): 453-479.
- Dopfer K., Foster J., Potts J. (2004). Micro-meso-macro. *Journal of Evolutionary Economics* **14**(3): 263-279. [doi:10.1007/s00191-004-0193-0](https://doi.org/10.1007/s00191-004-0193-0)
- Fungáčová Z., Herrala R., Weill L. (2013). The influence of bank ownership on credit supply: Evidence from the recent financial crisis. *Emerging Markets Review* **15**(2): 136–147.
- Hardie I., Howarth D. (2013). *Market-Based Banking and the International Financial Crisis*. Oxford: Oxford University Press. ISBN 978-0-19-966228-9.
- Karas A., Schoors K., Weill L. (2010). Are private banks more efficient than public banks? Evidence from Russia. *Economics of Transition* **18**(1): 209-244.
- Karas A., Vernikov A. (2016). Russian bank database: Birth and death, location, mergers, deposit insurance participation, state and foreign ownership // [Utrecht School of Economics Discussion paper Series](#) No 16-04.
- Khmelnitskaya M. (2014). Russian housing finance policy: State-led institutional evolution. *Post-Communist Economies* **26**(2): 149-175. [DOI: 10.1080/14631377.2014.904104](https://doi.org/10.1080/14631377.2014.904104).
- King R., Levine R. (1993). Finance and growth: Schumpeter might be right. *Quarterly Journal of Economics* **108**(3): 717-737.
- La Porta R., López-de-Silanes F., Shleifer A. (2002). Government ownership of banks. *Journal of Finance* **57** (1): 265–301.
- Mamonov M., Vernikov A. (2017). Bank ownership and cost efficiency: New empirical evidence from Russia. *Economic Systems* **41**(2): 305-319. <https://doi.org/10.1016/j.ecosys.2016.08.001>
- OECD (2015). *OECD Guidelines on Corporate Governance of State-Owned Enterprises, 2015 Edition*. OECD Publishing, Paris (Organisation for Economic Cooperation and Development). <http://dx.doi.org/10.1787/9789264244160-en>
- Penikas H., Petrova A. (2014). An empirical analysis of growth and consolidation in banking: A Markovian approach for the case of Russia. *International Journal of Computational Economics and Econometrics* **4**(1/2): 112-129.
- Sapienza P. (2004). The effects of government ownership on bank lending. *Journal of Financial Economics* **72**(2): 357-384.
- Schoors K. (2003). The fate of Russia's former state banks: Chronicle of a restructuring postponed and a crisis foretold. *Europe-Asia Studies* **55** (1): 75-100.
- Sherif K., Borish M., Gross A. (2003). *State-Owned Banks in the Transition: Origins, Evolution, and Policy Responses*. The World Bank. ISBN 0-8213-5499-X.
- Vanteeva N., Hickson C. (2015). Gerschenkron revisited: The new corporate Russia. *Journal of Economic Issues* **49**(4): 978-1007.
- Valícková P., Havránek T., Horváth R. (2015). Financial development and economic growth: A meta-analysis. *Journal of Economic Surveys* **29**(3): 506-526.
- Vernikov A. (2009). Russian banking: The state makes a comeback? // *BOFIT Discussion Papers* DP 24/2009, Bank of Finland, Helsinki.
- Vernikov A. (2012). The impact of state-controlled banks on the Russian banking sector. *Eurasian Geography and Economics* **53**(2): 250-266. [DOI 10.2747/1539-7216.53.2.250](https://doi.org/10.2747/1539-7216.53.2.250).

- Vernikov A. (2015). A guide to Russian bank data: Breaking down the sample of banks // *SSRN Working Paper Series* No 2600738. Available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=2600738>
- Voigt S. (2013). How (not) to measure institutions. *Journal of Institutional Economics* **9**(1): 1–26.
- Woo-Cumings M., ed. (1999). *The Developmental State*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1999. ISBN 0-8014-8566-5.
- Zang H., Kim Y. (2007). Does financial development precede growth? Robinson and Lucas might be right. *Applied Economics Letters* **14**(1): 15-19.

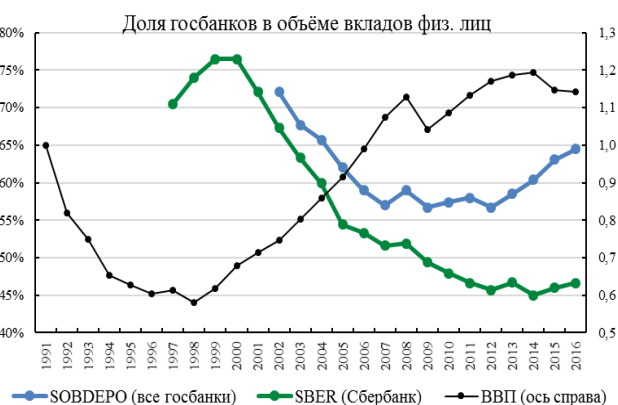
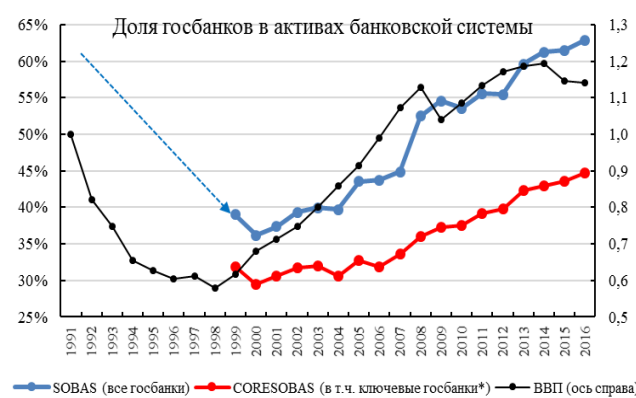
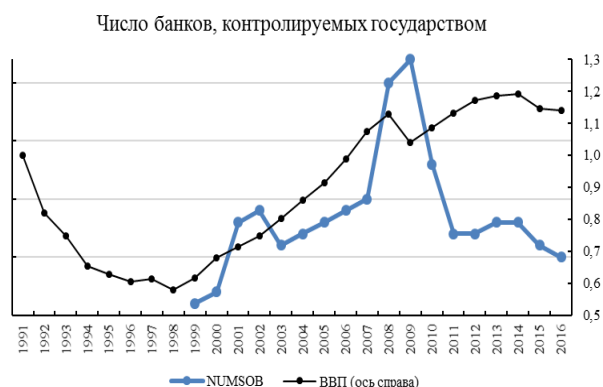
## Приложение 1. Описательная статистика показателей

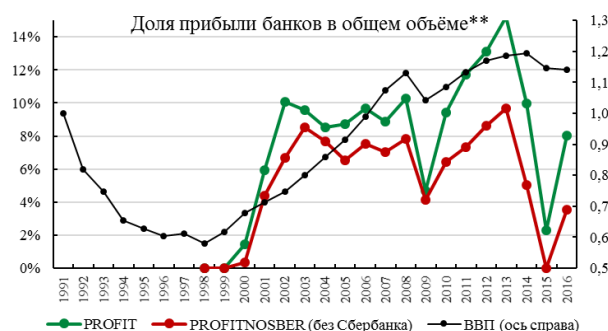
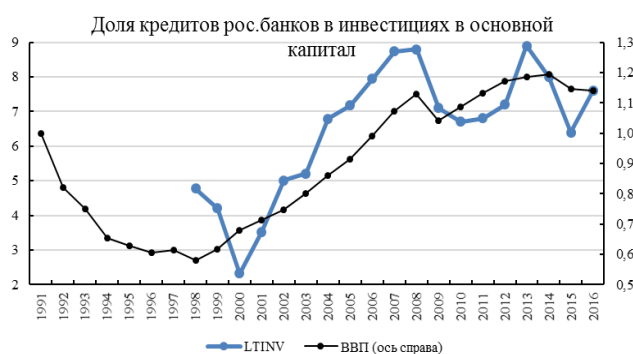
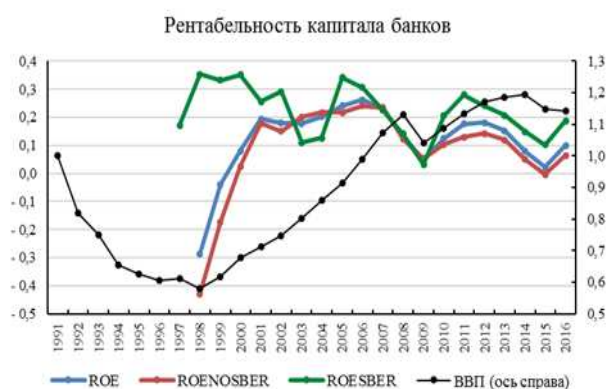
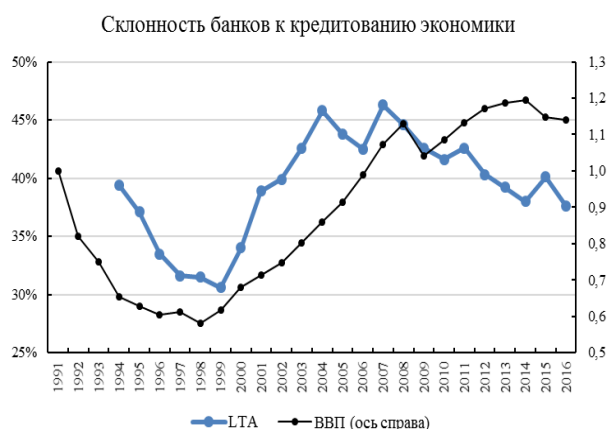
Обозначение	Название показателя	Период	Набл.	Мин.	Макс.	Мед.	Станд. откл.
NUM	Число действующих банков	1991-2016	26	575	2517	1205	493
NUMSOB	Число банков, контролируемых государством	1999-2016	18	35	57	43	5.99
SOB	Доля банков, контролируемых государством, в общем числе действующих банков	1999-2016	18	0.026	0.070	0.043	0.012
SOBAS	Доля банков, контролируемых государством, в совокупных активах банковской системы	1999-2016	18	0.362	0.629	0.487	0.094
CORESObAS	Доля ключевых госбанков в совокупных активах банковской системы	1999-2016	18	0.295	0.447	0.348	0.051
SOBLOAN	Доля банков, контролируемых государством, в общем объеме кредитов нефинансовым организациям	2002-2016	15	0.382	0.674	0.495	0.092
CORESObLOAN	Доля ключевых госбанков в общем объеме кредитов нефинансовым организациям	2003-2016	14	0.341	0.522	0.469	0.048
SOBDEPO	Доля банков, контролируемых государством, в объеме вкладов физических лиц	2002-2016	15	0.567	0.721	0.590	0.047
SBER	Доля ключевого госбанка (Сбербанка) в общем объеме вкладов физических лиц	1997-2016	20	0.450	0.765	0.526	0.116
LDR	Отношение кредитов к депозитам (LDR – loans-to-deposits ratio)	1999-2016	18	0.662	1.120	0.922	0.106
LTA	Склонность банков к кредитованию экономики	1994-2016	23	0.306	0.463	0.399	0.046
LONG-TERM	Склонность банков к долгосрочному (инвестиционному) кредитованию	1998-2016	19	0.068	0.459	0.209	0.134
ROE	Рентабельность капитала (ROAE) банков	1998-2016	19	-0.286	0.263	0.152	0.125
ROENOSBER	Рентабельность капитала (ROAE) банков (без Сбербанка)	1998-2016	19	-0.429	0.241	0.122	0.160
ROESBER	Рентабельность капитала (ROAE) Сбербанка	1997-2016	20	0.032	0.353	0.216	0.093
LTINV	Доля банковских кредитов в общем объеме инвестиций нефинансового сектора экономики в основной капитал	1998-2016	19	0.023	0.089	0.068	0.019
PROFIT	Доля банковской прибыли в общем объеме прибыли, полученной предприятиями страны	1998-2016	19	0.000	0.152	0.089	0.043
PROFIT-NOSBER	Доля банковской прибыли без Сбербанка в общем объеме прибыли, полученной предприятиями страны	1998-2016	19	0.000	0.097	0.065	0.032
ROAGAP	Рентабельность активов (ROAA) банков по сравнению с нефинансовыми предприятиями (насколько банки отстают)	1998-2016	19	0.016	0.090	0.044	0.019
WAGE	Завышение зарплат в банковском секторе	1991-2016	26	1.63	3.04	2.29	0.342
GDP	Индекс реального ВВП	1991-2016	26	0.580	1.194	0.887	0.220

## Приложение 2. Корреляция между показателями

	NUM	NUMSOB	SOB	SOBAS	CORES- BAS	SOBLOAN	CORESBL- OAN	SOBDEPO	SBER	LDR	LTA	LONG- TERM	ROE	ROENOS- BER	ROESBER	LTINV	PROFIT	PROFIT- NOSBER	ROAGAP	WAGE	GDP
NUM	1,00																				
NUMSOB	-0,20	1,00																			
SOB	<b>-0,95</b>	0,43	1,00																		
SOBAS	<b>-0,97</b>	0,34	<b>0,94</b>	1,00																	
CORESOSBAS	<b>-0,97</b>	0,19	<b>0,92</b>	<b>0,98</b>	1,00																
SOBLOAN	<b>-0,95</b>	-0,04	<b>0,84</b>	<b>0,92</b>	<b>0,94</b>	1,00															
CORESOSBLOAN	<b>-0,88</b>	0,27	<b>0,89</b>	<b>0,91</b>	<b>0,85</b>	<b>0,77</b>	1,00														
SOBDEPO	0,57	-0,42	-0,56	-0,58	-0,45	-0,42	<b>-0,75</b>	1,00													
SBER	<b>0,86</b>	-0,47	<b>-0,82</b>	<b>-0,88</b>	<b>-0,81</b>	<b>-0,84</b>	<b>-0,92</b>	<b>0,84</b>	1,00												
LDR	-0,13	0,66	0,23	0,21	0,08	-0,31	-0,33	-0,30	-0,54	1,00											
LTA	-0,36	0,57	0,13	0,06	-0,05	-0,60	-0,58	-0,09	-0,61	<b>0,88</b>	1,00										
LONGTERM	<b>-0,95</b>	0,25	<b>0,92</b>	<b>0,98</b>	<b>0,97</b>	<b>0,92</b>	<b>0,92</b>	-0,64	<b>-0,82</b>	0,07	0,04	1,00									
ROE	-0,15	0,07	-0,28	-0,29	-0,33	-0,66	-0,60	0,10	-0,36	0,57	<b>0,75</b>	-0,10	1,00								
ROENOSBER	-0,19	0,22	-0,17	-0,22	-0,28	<b>-0,78</b>	<b>-0,74</b>	0,16	-0,41	0,68	<b>0,81</b>	-0,07	<b>0,99</b>	1,00							
ROESBER	0,36	-0,56	-0,56	-0,47	-0,43	-0,21	-0,05	0,02	0,47	-0,43	-0,39	-0,44	-0,12	-0,26	1,00						
LTINV	-0,62	0,53	0,61	0,64	0,55	0,27	0,42	<b>-0,73</b>	<b>-0,85</b>	<b>0,76</b>	0,61	0,58	0,35	0,38	-0,42	1,00					
PROFIT	-0,38	0,28	0,21	0,34	0,30	-0,12	-0,02	-0,15	-0,64	0,61	0,62	0,27	<b>0,70</b>	<b>0,70</b>	-0,21	0,66	1,00				
PROFITNOSBER	-0,13	0,35	-0,03	0,07	0,00	-0,53	-0,43	-0,05	-0,49	<b>0,72</b>	<b>0,74</b>	0,02	<b>0,75</b>	<b>0,76</b>	-0,23	0,60	0,94	1,00			
ROAGAP	0,22	-0,12	-0,27	-0,37	-0,44	-0,39	-0,32	-0,36	0,14	0,03	0,14	-0,27	0,18	0,14	0,33	0,01	-0,25	-0,10	1,00		
WAGE	-0,23	-0,03	<b>-0,70</b>	<b>-0,77</b>	<b>-0,78</b>	<b>-0,89</b>	<b>-0,88</b>	0,66	0,16	0,14	0,56	<b>-0,72</b>	0,63	0,62	0,17	-0,21	0,24	0,43	0,10	1,00	
GDP	<b>-0,81</b>	0,46	<b>0,85</b>	<b>0,91</b>	<b>0,84</b>	<b>0,81</b>	<b>0,89</b>	<b>-0,81</b>	<b>-0,97</b>	0,54	0,62	<b>0,84</b>	0,38	0,42	-0,44	<b>0,83</b>	0,65	0,48	-0,16	0,10	1,00

## Приложение 3. Динамика показателей





\* Сбербанк, ВТБ и Россельхозбанк, без дочерних банков. \*\* Значение показателя показано равным 0 в те годы, когда банки показывали отрицательный суммарный финансовый результат (убытки).

#### Приложение 4. Матрица компонент

Показатель	Компонента			
	1	2	3	4
NUM	<b>0,972</b>	-0,055	0,156	0,120
NUMSOB	-0,218	0,493	<b>0,731</b>	0,296
SOB	<b>-0,960</b>	0,135	0,226	-0,015
SOBAS	<b>-0,986</b>	0,064	-0,080	0,097
CORESObAS	<b>-0,944</b>	-0,102	-0,173	-0,109
SOBLOAN	0,530	<b>-0,739</b>	0,163	0,103
CORESObLOAN	0,250	<b>0,823</b>	0,155	0,258
SOBDEPO	0,592	0,597	0,247	-0,278
SBER	<b>-0,981</b>	0,081	-0,110	-0,019
LDR	<b>0,875</b>	0,306	-0,358	-0,087
LTINV	-0,326	<b>0,839</b>	-0,231	0,157
PROFIT	0,513	0,299	-0,508	0,564
ROAGAP	0,390	0,612	-0,083	-0,633
WAGE	<b>0,930</b>	-0,233	0,144	0,041